

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Пьеръ, этотъ *plus ultra* «безхарактерности», оставившій за собою, въ этомъ отношеніи, всѣхъ своихъ предшественниковъ у гр. Толстого, могъ явиться, въ концѣ романа, у своего объективнаго автора-отрицателя такимъ, что онъ выходилъ у него выше всѣхъ головою, и читатель оказывался въ полномъ недоумѣніи, — кто сей господинъ — *чей* процессъ нравственнаго перерожденія описывается — Пьера-ли, или самого автора?... «Прежде, говорить гр. Толстой, Пьеръ казался хотя и добрымъ человѣкомъ, но несчастнымъ (?), и потому невольню люди отдалялись отъ него (это отъ Пьера-то!?). Теперь улыбка радости жизни постоянно играла около его рта и въ глазахъ его свѣтилось участіе къ людямъ — и людямъ пріятно было въ его присутствіи... (въ присутствіи кого? Пьера? Да кому же и когда было это непріятно, — въ «Войнѣ и мирѣ», по крайней мѣрѣ?). Прежде онъ много говорилъ (рѣшительно не помнимъ), и мало слушалъ, горячился, когда говорилъ, теперь онъ рѣдко увлекался разговоромъ и умѣлъ слушать такъ, что люди охотно высказывали ему самыя задушевныя тайны (?)..» «Прежде разрушавшій всѣ его умственныя постройки, страшный вопросъ: «зачѣмъ»? теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ — зачѣмъ? — въ душѣ его всегда готовъ былъ отвѣтъ: зачѣмъ, что есть Богъ», и т. д. Далѣе идутъ разсужденія, какъ будто прямо выхваченныя изъ «Исповѣди» и XII-го тома. Съ появленіемъ, зачѣмъ, въ печати «Мыслей вызванныхъ переписью», людямъ, желавшимъ видѣть въ творествѣ гр. Толстого, *объективное* значеніе его «противопоставленій», которыя, въ свою очередь, предполагали всестороннее изученіе нравовъ и быта простыхъ людей, стало еще труднѣе поддерживать это мнѣніе свое, когда они слышали отъ самого автора о тѣхъ наивныхъ его открытіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ для себя